

A movie poster for the Russian film 'Oskolki' (Shards). The image features three main characters: a young man with long, wavy brown hair and a small earring on the left; a young woman with long, dark, wavy hair in the center, looking back over her shoulder; and a man with a beard and long hair tied back on the right. They are all wearing dark, rugged clothing. The background is a city skyline at sunset, with the sun low on the horizon behind several skyscrapers. The title 'Осколки' is written in a large, white, serif font across the bottom, with a cracked glass effect overlaid on the entire image.

Осколки

Нова
Осколки

«Автор»

2026

Нова

Осколки / Нова — «Автор», 2026

Эви мечтает о жизни, в которой не будет серых будней окраины. Юджин Милн обещает ей этот мир, но за его идеальной улыбкой скрывается холодный расчет хищника. Ее сосед Луис видит, как Эви добровольно заходит в золотую клетку, и начинает собственную войну. Он готов уничтожить империю Милнов, чтобы вырвать девушку из их рук, не осознавая, что его спасение — такая же одержимость, как и их власть. В этом городе правда — это самое острое лезвие. И когда оно пойдет в ход, от прежних жизней останутся лишь осколки.

© Нова, 2026

© Автор, 2026

Нова

Осколки

Глава 1

Глава 1. Стерильный холод и запах кардамона.

Город под ногами Милнов был похож на схему из чертежей — серые линии дорог, четкие прямоугольники кварталов, ни одного лишнего пятна. В пентхаусе, на сорок пятом этаже, тишина была почти осязаемой. Она давила на уши, как глубоководное давление. Даже утренний кофе в фарфоровой чашке не источал аромата — система фильтрации воздуха в доме была безупречна, как и всё остальное.

Энтони, в рубашке с накрахмаленным воротничком, держал перед собой планшет. Его движения были выверены, экономны. Напротив, с прямой, натянутой как струна, спиной сидела Вирджиния. Шелковое платье не допускало ни единой складки, маникюр был холодного, почти стального оттенка. Она едва заметно скользнула взглядом по старшему сыну — Хантер был точным отражением их идеалов. Безупречный. Он позволил себе расстегнуть пуговицу пиджака — вольность, которую она великодушно игнорировала. Затем её взгляд переместился на Ребекку. Тихая, кроткая, почти прозрачная. Идеальный рычаг.

Вдруг размеренный ритм утра нарушил методичный стук пальцев по столу.

- Юджин, — голос Энтони не дрогнул, он даже не поднял головы от экрана.

Стук прекратился мгновенно.

- Отец, - отозвался Юджин голосом с едва уловимой хрипотцой, которая казалась здесь инородной.

Ребекка казалось сжалась еще сильнее, это не ушло от внимания Вирджинии.

Энтони коснулся пальцем экрана планшета.

- Этот Торн, все еще упорно отказывается продать мне свой бизнес - голос Энтони был ровным.

Вирджиния, не прерывая завтрака, добавила:

— На вчерашнем благотворительном ужине кое-кто из друзей мистера Торна был на удивление откровенен. — произнесла Вирджиния. Её голос был полон мягкой, почти ласковой уверенности. — Он очень горд своей независимостью. Но, как оказалось, он уже пять лет тайно спонсирует приют для бездомных на окраине. Причем деньги туда текут не из его официальных доходов, а из теневого фонда, который он делит с местной полицией.

Энтони едва заметно ухмыльнулся.

— Идеально. Если эта информация попадет в налоговую его бизнес не просто рухнет — его разберут на запчасти за неделю.

— Это будет не просто уничтожение, — добавила Вирджиния. — Это будет «очищение» рынка.

Хантер, до этого момента безучастно пивший кофе, подался вперед.

— Я подготовлю пакет документов для прокурора. Это будет отличный кейс для нашей юридической службы — показать, что мы не просто монополисты, а «борцы за чистоту бизнеса».

Юджин, сидевший напротив, сжал кружку так, что побелели костяшки. В этом жесте было столько сдерживаемой энергии, что кружка, казалось, могла треснуть.

— Вы только что приговорили человека к краху, даже не моргнув глазом, — его голос дрожал.

Энтони даже не взглянул на младшего сына. Он перевел взгляд на Хантера.

— Хорошая инициатива, Хантер. Действуй. А ты... Юджин, — Энтони наконец посмотрел на него, — запомни: в мире логистики нет «просто дел». Есть те, кто управляет потоками, и те, кто становится препятствием. Препятствия нужно устранять. Это не жестокость. Это гигиена.

Юджин медленно опустил вилку. Звук металла о фарфор прозвучал как выстрел. Он поднял голову, и теперь его взгляд — обычно скрытый за мягкими прядями волос — был направлен прямо на отца. В нем не было покорности. В нем был хищный блеск.

- Гигиена? - Юджин подался вперед. Его движения были текучими и опасными, как у зверя, готового к прыжку. - Ты уничтожаешь человека, который просто вел свои дела. Ты просто боишься всего, что не можешь контролировать.

Энтони спокойно промокнул губы салфеткой, складывая ее с пугающей симметрией.

- Юджин, твои подростковые идеалы вызывают умиление, но они не оплачивают счета за эту квартиру.

- Эти счета оплачены кровью людей, которые были достаточно глупы, чтобы встать у тебя на пути, - Юджин резко поднялся со стула, стой грацией, на которую был способен лишь он. Стул проехал по мраморному полу с неприятным скрежетом. Ребекка вздрогнула от этого звука. - Вы боитесь грязи, но сами погрязли в ней по самое горло!

- Сядь на место - голос Вирджинии был тихим и холодным как лезвие ножа. - Ты ведешь себя как истеричный ребенок.

Юджин посмотрел на мать. В этот момент в его взгляде читалось не просто разочарование - жалость.

- Это эмоции, мама. Жаль, что ты забыла.

Он развернулся и вышел. Его шаги были быстрыми и тяжелыми, нарушающими выверенную тишину дома. Хлопок входной двери прозвучал финальным аккордом, после которого в пентхаусе наступила тишина.

Ребекка едва заметно подалась вперед, казалось она хотела сорваться с места и броситься следом за Юджином, но тут же вернулась в свою привычную кроткую позу.

Вирджиния продолжила пить кофе, даже не удостоив уход младшего сына взглядом.

— Ты ведь понимаешь, что он снова перешел черту, — тихо произнес Хантер, обращаясь к матери. Его голос был ровным, но в нем сквозила горечь.

Вирджиния даже не подняла глаз от своего планшета. Её лицо было маской спокойствия.

- Хантер, милый. Юджин – это не ты. У него другой потенциал. Его огонь нужно не тушить, а направлять. Когда он поймет, что этот мир тесен для него, он сам придет к нам. И тогда он будет стоять сотни других.

Ребекка, сидевшая рядом, едва заметно коснулась его руки. Это было мимолетное, почти невесомое движение, но Хантер отозвался мгновенно. Он накрыл её руку своей — жест, полный скрытой, почти отчаянной нежности. На долю секунды его лицо, всегда холодное и сосредоточенное, дрогнуло. В глазах мелькнула тень усталости и боли, которую он не позволил бы увидеть никому другому.

Энтони взглянул на часы.

- Хантер, документы нужны завтра утром. У нас мало времени.

- Да, отец.

Район рынка специй не знал, что такое тишина. Здесь она всегда была погребена под слоем звуков: перебранка продавцов, визг тормозов старых фургонов. Воздух здесь был

густым, как сироп, пропитанным ароматами кардамона, горелого масла и дешевого табака. Для кого-то — вонь. Для его жителей — пульс жизни.

Ключ в замке повернулся с противным скрежетом, но для Эви этот звук был слаще любой музыки. Дверь подалась, открывая вид на её новую жизнь — десять квадратных метров пространства, которое теперь принадлежало только ей.

В квартире пахло побелкой и старым деревом — запах чистого листа. Почти никакой мебели, кроме шаткого стула и старой кровати в углу, но Эви казалось, что здесь поместится весь мир. Она подошла к окну и распахнула его настежь. В комнату ворвался гул: крики, смех, ритмичный стук ножей по дереву — этот хаос был таким настоящим, что у неё перехватило дыхание.

Она поставила на пол единственную сумку, в которой лежали самые важные вещи: блокнот, любимые духи и старый пленочный фотоаппарат. Эви улыбнулась своему отражению в темном стекле окна. В пентхаусах на горизонте, наверное, сейчас ужинали люди, у которых было всё, кроме этого чувства — чувства, что ты наконец-то дышишь полной грудью.

Эви поставила на подоконник маленький фикус, который купила для своего нового жилища по дороге сюда. Теперь это её идеальный дом.

Она поставила кастрюлю с водой на плиту. На лестничной площадке слышались голоса и смех.

- Соль, - сказала она сама себе и поморщилась, - Я забыла купить соль. Теперь мои макароны будут в три раза противнее, чем обычно.

Эви прихватила пустую солонку и, помедлив вышла на лестничную клетку. Дверь в соседней квартире была приоткрыта, словно приглашая войти. Оттуда доносился гул голосов, запах тако и смех. Эви робко постучала. Она сделала шаг вперед, в узкий коридор, где стены были залиты теплым, почти осязаемым желтым светом.

Она остановилась на пороге комнаты, завороченная. Здесь кипела жизнь. Парень в углу комнаты перебирал струны гитары; женщина в заляпанном мукой фартуке ловко металась между столом и плитой; девушка, стоявшая к ней вполоборота, тараторила без умолку, активно жестикулируя; Серьезный мужчина за столом был погружен в газету, полностью игнорируя хаос вокруг. А на диване, демонстративно отгородившись от всех экраном телефона, сидела другая девица, время от времени закатывая глаза.

- Дани, когда придет ваш отец? – спросила женщина в фартуке. В её голосе звучало то самое материнское тепло, от которого у Эви внутри что-то екнуло.

- Он сказал, ему нужно дописать код или что-то такое, — лениво отозвалась та, что была на диване, не поднимая головы.

- Отец никогда не опаздывает на ужины – тихо, но отчетливо ответил парень с гитарой.

Эви попятилась, ей стало неловко, она не хотела вторгаться в их мир. Шаг, другой... спиной она почувствовала, что-то твердое.

- Привет – раздалось прямо за ухом.

Эви вздрогнула. Солонка выскользнула из пальцев и с глухим стуком покатилась по полу. Шум в комнате мгновенно стих. Эви резко обернулась и столкнулась взглядом с мужчиной. Он возвышался над ней — немолодой, с усталыми глазами, в которых плясали озорные огоньки.

- Я... Я, простите, - затараторила Эви, - я стучала, у меня закончилась соль. И вот...Я ваша новая соседка. Я Эви.

- Соль? Это к Консуэлле – мужчина кивнул на женщину в фартуке и прошел мимо, даже не обернувшись.

- Новая соседка? Из четвертой квартиры? А я все гадала, когда же там кто-то поселится. Ты как раз вовремя, давай заходи, ужин готов. Нельзя есть в одиночестве, так пища хуже усваивается!

Она крепко взяла Эви за руку — ладонь у женщины была теплой и шершавой, — и потянула к столу.

- Нет, нет, ну что вы. Я пойду, у меня там... - быстро пролепетала Эви, поднимая солонку с пола. - Я не хочу мешать.

- Мешать? Милая, не говори ерунды! Посмотри на себя, ты почти прозрачная! Луис, принеси гостье стул. Ну же, садитесь, все готово. - Хозяйка квартиры была непреклонна.

- Консуэлла, ты уверена, что нам хватит места для еще одного человека? – Даниэлла, не отрываясь от телефона, бросила на гостью короткий, полный холодного презрения взгляд.

- Конечно, Дани! – отрезала Консуэлла, подталкивая Эви к столу. - Не говори чепухи, на этой кухне всем хватит места, если ты оставишь свой телефон на диване – он занимает куда больше места, чем эта девочка.

Кухня Консуэллы была тесной — едва хватало места для всех. Луис — тот самый мужчина, что напугал Эви в коридоре — придвинул стул так, чтобы она оказалась в самом центре семейного круга. Её соседями оказались Хуан – муж Консуэллы и Луиза – их дочь.

Стол ломился от еды: гора теплых кукурузных лепешек, миски с ярко-зеленой сальсой, от которой тянуло бодрым ароматом лайма и кинзы. В центре, в глиняном блюде дымилась томленая свинина. После одиноких макарон, которые Эви собиралась сварить в своей пустой квартирке, это казалось настоящим пиром.

- Держи, дорогая. - Консуэлла опустила перед ней полную тарелку.

Эви попробовала мясо. Оно обожгло язык, но тут же растаяло, оставив пряное послевкусие.

— Это невероятно, Консуэлла. Если бы не вы, я бы сегодня ужинала тоской и макаронами, — Эви улыбнулась, и в этой улыбке было больше искренности, чем она планировала.

— Ты еще пожалеешь об этом, — подмигнула Луиза, переводя взгляд на двоюродного брата. — Мама не отпустит никого, кто еще способен стоять на ногах. Хотя есть те, кто до сих пор сопротивляется.

Эллиот – парень с гитарой, до этого бездумно ковырявший вилкой мясо, вдруг поднял голову. Его взгляд — тяжелый, сканирующий — впился в Эви. Стало неудобно. Эви почувствовала себя экспонатом под стеклом.

- Ну так что, Эви. - вмешался Хуан, и этот голос, спокойный и властный, заставил ее вздрогнуть - Откуда ты? Зачем приехала сюда?

- Хочу найти свое место в мире - ответила она, стараясь придать голосу легкости.

За столом поднялся гул. Даниэлла и Эллиот о чем-то спорили. Луиза весело рассказывала матери о своем дне. Эви поймала себя на том, что перестала жевать и просто наблюдает за ними, как смотрят кино через витрину магазина.

— Луис, ты опять за свое, — Консуэлла заботливо подложила ему добавки. — Посмотри на себя, одни кости. Всё возишься со своими кодами... Поешь нормально.

Ее жесты были отточены годами привычки. Она переключалась с Луиса на Эллиота, с Эллиота на Луизу, как дирижер, управляющий оркестром.

— Работаете в IT, Луис? — Эви решила разрядить обстановку, чувствуя, что нужно что-то сказать. — Наверное, взламываешь Пентагон по ночам, раз так много времени проводишь за монитором?

Луис замер. Вилка, не дойдя до рта, зависла в воздухе. В кухне, казалось, выкачали весь воздух — звук стал глухим, словно они оказались под водой. Эллиот медленно перевел взгляд с отца на Эви. В его глазах читалось не просто предупреждение — угроза.

Консуэлла продолжала что-то весело рассказывать Хуану, не замечая, как изменилась температура в комнате.

— Неудачная шутка, да? — Эви почувствовала, как по спине пробежал холодок. Ее пальцы судорожно сжали край стола. — Я всегда говорю, не подумав... Простите

- Паап, забыла тебе сказать. — Даниэлла на мгновение замолчала. — Завтра тебя вызывают в школу.

- Дани, что ты натворила на этот раз? — Луис тяжело вздохнул и посмотрел на дочь. Его взгляд тут же смягчился, а воздух в комнате, казалось, снова стал пригоден для дыхания.

Юджин захлопнул дверь пентхауса так, что по коридору прошла дрожь, эхом отразившись от равнодушных стен. Он не знал, куда едет — просто вдавил педаль газа в пол, позволяя городу превратиться в размытое пятно из неона и стали. Он петлял по развязкам до тех пор, пока сумерки не поглотили очертания зданий, превращая Сан-Мишуно в лабиринт, где он наконец-то мог спрятаться от самого себя.

Город внизу был другим. Здесь не было фильтров воздуха и мертвой тишины. Узкие улочки района специй встретили его гулом, запахом горелого масла и криками торговцев. Юджин припарковал машину в тени обшарпанного дома, заглушил мотор и на секунду прикрыл глаза.

Он вышел наружу, натянув капюшон худи низко, почти до самых глаз. Затертая джинсовка, небрежный вид — всё это было попыткой слиться с толпой, стать невидимкой. Но он всё равно чувствовал себя пришельцем. В каждом его жесте, в том, как он держал спину — слишком прямо, слишком уверенно для этого места — проступала та самая «порода», от которой он так отчаянно пытался сбежать. Он был чужеродным элементом, хищником, случайно забревшим в трущобы.

В багажнике его машины лежала старая гитара, это была его первая осознанная покупка. Он навсегда запомнил, как Энтони выбросил ее в мусорку, назвав музыку «бесполезным шумом». Он помнил, как достал ее из мусорного бака и спрятал от отца.

Юджин сел на капот машины, чувствуя под собой холодный металл. Он вытащил из кармана мятую пачку, чиркнул зажигалкой и сделал глубокую затяжку. Едкий дым, смешиваясь с ароматами кардамона и горелого масла, казался ему самым честным запахом на свете — в отличие от озоновой чистоты пентхауса, здесь можно было дышать, не боясь «испортить атмосферу».

Его длинные, тонкие пальцы привычно легли на струны. Юджин ударил по ним — резкий, надрывный аккорд разрезал городской шум, будто кто-то провел ножом по стеклу. Он не играл мелодию. Он выплескивал в музыку всю ту ярость, которую не смог высказать отцу за завтраком. Это была музыка улиц: грязная, честная, пульсирующая болью, которую он так долго держал внутри.

Юджин не видел, как в окнах дома напротив зажигались и гасли огни. Он был здесь чужим, но музыка делала его частью этого хаоса. Он просто продолжал играть, ссутулившись под тяжестью собственного бунта, впервые за долгие годы чувствуя, как внутри него — там, где всегда был лед — что-то наконец-то начинает оттаивать.

Эви закрыла за собой дверь квартиры, всё еще чувствуя на щеках жар от неловкости за ту самую «шутку» про Пентагон. В её крошечном жилище было тихо и пусто, но тишина казалась теперь какой-то ненастоящей, стерильной.

Она прошла к окну, намереваясь задернуть шторы, но замерла.

С улицы доносился звук. Это не была привычная какофония района — визг шин или крики торговцев. Это была гитара. Аккорды были рваными, злыми, словно кто-то пытался высечь искру из самого воздуха. Музыка была пропитана такой отчаянной честностью, что Эви невольно задержала дыхание.

Она не видела музыканта — он спрятался в густой тени старого фургона, припаркованного внизу. Эви медленно опустилась на широкий подоконник, подтянув колени к груди. Она не знала, кто это и почему он играет здесь, в этом грязном переулке, в такой поздний час. Но каждый надрывный звук, каждый удар по струнам отзывался в её груди странным, почти болезненным узнаванием.

Это была не просто музыка. Это был чей-то крик о помощи, замаскированный под бунт. Эви прикрыла глаза, впитывая этот хаос, и впервые за день почувствовала, что она здесь, в этом шумном, странном городе, — не одна.

Последний аккорд повис в ночном воздухе, дрожа и медленно затухая, словно эхо в пустом колодце. Эви подалась вперед, вглядываясь в темноту двора, но там было пусто. Только легкий дымок сигареты еще таял в свете тусклого фонаря.

Сердце колотилось где-то в горле. Она наспех накинула куртку, даже не застегнув молнию, и выскочила в коридор. Лестница отозвалась гулким эхом под её шагами, тяжелая дверь подъезда с трудом поддалась, выпуская её в прохладную ночь.

Двор был пуст. Лишь на том месте, где стояла машина, асфальт казался чуть темнее — там, где еще минуту назад был припаркован автомобиль, теперь зияло пустое пространство. Эви подошла ближе, чувствуя подошвами кроссовок мелкую крошку и запах гари. На асфальте лежала смятая пачка сигарет, которую кто-то второпях обронил или выбросил.

Она подняла её. Пустая.

Эви огляделась по сторонам, надеясь увидеть хотя бы задние огни уезжающей машины, но улица была безмолвна. Только где-то вдалеке, на главной магистрали, едва слышно завыл мотор, быстро удаляясь в сторону центра.

Она осталась стоять посреди двора, сжимая в руке картонную пачку, и впервые за долгое время почувствовала странную, острую нехватку чего-то, что только что было совсем рядом.